

ГАРАДЗЕНСКИ ПАЛІМПІСЕСТ 2012

**Людзі даўняй Гародні.
XV – XX стст.**

ГРОДНА 2013

УДК 947.6
ББК 63.3(4Бел)

ГАРАДЗЕНСКАЯ БИБЛИОТЕКА
прывячаецца той Гародні, якой
мы ганарымся.
Дзякуем усім, хто з намі.

**Каардынатар кніжнай серыі
“ГАРАДЗЕНСКАЯ БІБЛІЯТЭКА”:**
Павал Мажэйка

Ідэя серыі: Эдвард Дмухоўскі

Гарадзенскі палімпсест 2012. Людзі даўняй Гародні. XV – XX стст. / Пад рэд. А.Ф.Смаленчука, Н.У.Сліж.

РЭЦЭНЗЕНТЫ:

Доктар гістарычных навук А.К.Краўцэвіч

Доктар гістарычных навук З.В.Шыбека

Матэрыялы чарговага зборніка “Гарадзенскі палімпсест” прысвечаныя вывучэнню мінулага Гродна як феномена лакальнай гісторыі. У цэнтры даследчай увагі апынуліся сацыяльныя адносіны ў выразным антрапалагічным кантэксте. Тэксты зборніка значна пашыраюць далягяды беларускай гістарычнай урбаністыкі.

Кніга адрасаваная ўсім, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі.

Графічная апрацоўка і вёрстка: Іван Паўлёнак

Вкладка: Іра Саранчукова

ISBN 978-83-7893-136-2

Copyright © Гарадзенская бібліятэка, 2013

ЗМЕСТ

Прадмова

Гарадзеншчына і гарадзенцы ў эпоху Вялікага Княства Літоўскага

Алег Ліцкевіч

Гародня і Гарадзенскі рэгіён у другой палове

XIII–XIV ст.: назва і межы 10

Jan Tęgowski

Rola Grodna w składzie Wielkiego Księstwa Litewskiego w XIV i

rozpzątkach XV wieku 60

Алег Латышонак

Святы Амерык Венгерскі – сапраўдны патрон Гарадні? 72

Уладзімір Канановіч

Легенда пра Літфо і Гарто ў Хроніцы Сымона Грунаў або некалькі рысаў палітычнай ідэалогіі ў Прускім герцагстве ў эпоху Адраджэння 80

Mariusz Sawicki

Instrukcja powiatu grodzieńskiego na sejm w 1681 roku 94

Анатоль Цімоў

Гарадзенскія злотнікі ў XVI – пачатку XX ст. 108

Віталь Галубовіч

Канфірмацыйныя прывілеі на цэх гарадзенскім шаўцам

Жыгімонта (1605) і Уладзіслава Вазаў (1633) 125

Наталля Сліж

Гісторыя роду Валовічаў на Гарадзеншчыне ў XV–XVII стст. 133

Дзмітры Віцько.

Да пытання пра палітычную арыентацыю Катовічаў у канцы XVII ст. 187

Ганна Паўлоўская

Вобразы гарадзенцаў у апісаннях смерці ў кляштарных хроніках (XVII–XVIII стст.) 199

Горад і яго жыхары ў XIX – XX стст.

Андрэй Вашкевіч, Андрэй Чарнякевіч

Занёманскі Фарштат Гародні ў XVI – першай палове XX ст.: эвалюцыя

гарадской прасторы. 210

Алесь Радзюк

Гарадзенцы пад наглядам паліцыі ў першай палове XIX ст. 222

Мечыслаў Супрон

Гарадзенскія камінары ў XIX – пачатку XX ст. 243

<i>Татьяна Воронич</i>	
Криминальный мир губернского Гродно второй половины XIX – начала XX в.	252
<i>Генадзь Семянчук</i>	
Пачаткі Гродна/Гродна ў археалагічных і гістарычных даследаваннях канца XIX – XXI ст.: спроба канкрэтызацыі.....	269
<i>Іна Соркіна</i>	
Жанчыны Горадні на мяжы XIX – XX ст.	284
<i>Jan Jerzy Milewski</i>	
Kobiety w życiu społeczno-politycznym i kulturalnym międzywojennego Grodna	315
<i>Ларыса Міхайлік</i>	
Адукацыя ў міжваенным Гродне ў 1921 – 1939 гг.	321
<i>Тацяна Касатая</i>	
Прадпрымальніцкая дзейнасць уладальнікаў гродзенскіх кінатэатраў у 1910 – 1930-я гг.	346
<i>Waldemar Wołkanowski</i>	
Sportowe związki Wilna i Grodna w latach 1920-1928.	355
<i>Фёдар Ігнатовіч</i>	
Гарадзенец Мікалай Марцінчык (1901-1980): лёс беларускага асветніка.	368
<i>Алесь Смалянчук</i>	
Трансфармацыя знакаў памяці постсавецкага Гродна.	380
Крыніцы	
<i>Віталь Галубовіч</i>	
Да гісторыі скарбашукальніцтва на Беларусі: прывілей Жыгімонта Вазы (1588) на пошук скарбаў у Горадні і яе ваколіцах	398
<i>Наталля Сліж</i>	
Ліст Жыгімонта Вазы гарадзенскаму земскаму суддзі Грыгорыю Масальскаму ў справе гарадзенскага соймака (1589)	403
Нагаткі даследчыка	
<i>Zbigniew Jędrzychowski</i>	
Pustelnia grodzieńska	406

Криминальный мир губернского Гродно во второй половине XIX – начале XX в.

Тема преступности и криминального мира является одной из многочисленных малоизученных тем не только белорусской исторической урбанистики, но и белорусской историографии в целом. Серьезных научных исследований по данной теме нет. Существуют лишь единичные публикации, преимущественно публицистического характера. Между тем, проблема очень интересная и актуальная. Изучение преступности позволяет увидеть социально-экономические и психологические проблемы общества, проследить практики выживания людей в критических ситуациях, проанализировать менталитет общества.

Данная работа является только началом изучения автором представленной темы. Основу для исследования составили материалы Национального исторического архива в Гродно и Литовского государственного исторического архива в Вильнюсе.

КРАЖИ, ГРАБЕЖИ, РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ...

Самыми распространенными преступлениями в рассматриваемый период в Гродно были кражи, грабежи и разбойные нападения. По этим видам преступлений в 1912 г. судебными учреждениями Гродненской губ. было вынесено 59% всех судебных приговоров¹.

Значительная часть краж совершалась ночью. Особенностью преступности этого периода было отсутствие анонимности преступников. Многие преступники были местными, и их хорошо знали горожане и полиция, поэтому одним из главных условий воровского успеха оставалась незамеченность вора. Плохое ночное уличное освещение или его отсутствие, а также отсутствие ночных сторожей на улицах города создавали идеальные условия для совершения кражи.

Кроме того, выбирая время для совершения кражи, преступники учитывали и психологический фактор. Например, очень часто кражи совершались во время пожаров, когда горожане, оставляя свои дома, сбегались посмотреть на стихийное бедствие.

Чаще всего обворовывались жилые дома, квартиры, погреба горожан с продуктовыми запасами, торговые лавки. Воры, как правило, проникали в помещения, взламывая дверные замки, пробои, разбивая оконные стекла, а также “посредством взлома окна”.

Нередко горожане сами обеспечивали ворами свободный доступ в свои квартиры, оставляя открытые окна, форточки, незапертые наружные двери. При этом данный факт мог послужить смягчающим (!?) вину вора обстоятельством. Так, 8 июня 1901 г. владелица одного из домов по ул. Фабричной Мальвина Ивановна Шешко, вернувшись вечером из костела, обнаружила, что у нее были украдены золотые и серебряные вещи и белье, всего на сумму 39 руб. 35 коп. Воры проникли в дом, открыв окно через незапертую форточку. Открытая форточка и небольшая сумма украденного были признаны смягчающими вину обстоятельствами, и дело было передано на рассмотрение мировому судье².

Распространенными были кражи из прихожих. Воры через незапертые наружные двери проникали в прихожую и брали, как правило, верхнюю одежду. В декабре 1891 г. накануне Рождества у чиновника почтово-телеграфной конторы Федченко из прихожей были украдены пальто и шуба стоимостью 133 руб.³ А в феврале 1897 г. была обворована передняя самого губернатора⁴.

Воровали абсолютно всё, что можно было украсть или, что в данный момент представляло ценность для воров. Воровали одежду, обувь, кастрюли, самовары, диванные подушки, домашних канареек, швейные машинки, продукты из погребов, снимали белье с чердаков. Однажды из сарая гродненской торговки Любич украли даже корзину с 340 яйцами⁵. Но чаще всего воровали золотые и серебряные вещи, а также различного рода ценные бумаги.

Стоимость украденного была самой разной. Могли украсть два пуда картофеля на 40 коп. либо полбутылки вина на 60 коп. А в ночь на 17 июня 1891 г. у Абрама Шварца были похищены золотые и серебряные вещи на сумму 887 руб., векселя и ценные бумаги на 4 000 руб.⁶ В мае 1903 г. известный гродненский вор Хаим Еврейский из квартиры Шмуеля Коткина украл процентные бумаги и векселя на сумму 1600 руб. и золотые часы стоимостью 100 руб.⁷

Одна из самых крупных краж была совершена 27 июня 1891 г., когда у крестьянина Льва Гиля было похищено ценных бумаг, которые хранились в восьми сундуках, на сумму в 29 400 руб.⁸

Регулярно в Гродно обворовывались религиозные учреждения, практически всех конфессий. Главным объектом краж были храмовые кружки для сбора пожертвований на разные нужды. Замки на кружках взламывались, а деньги забирались. Суммы были небольшие – до трех рублей.

В храмах воровали предметы религиозного культа. Так, 20 июля 1888 г. в Фарном костеле был задержан мещанин Осип Арештович, у которого при обыске были найдены “похищенный с главного алтаря серебряный с мощами крест, переломанный на девять кусков”. Выяснилось, что Арештович во время утренней службы спрятался на хорах, а затем, похитив крест, собиравшись выйти из храма, когда тот вновь будет открыт, но был задержан⁹.

И подобный случай был не единственный. 4 марта 1903 г. в том же католическом костеле был задержан Осип Станевич, в карманах у которого при обыске были найдены золотые и серебряные вещи, снятые им с икон, общей стоимостью на сумму в 200 руб. Так же, как и его предшественник, Станевич спрятался в костеле во время вечерней службы¹⁰.

Обыденным явлением жизни губернского города были грабежи и разбойные нападения. Горожанин, выходявший из дома, особенно поздним вечером, имел все шансы быть ограбленным. Как правило, нападавшие забирали у своих жертв деньги, кошельки, золотые и серебряные украшения, часы, могли снять верхнюю одежду, а у женщины сорвать платок. По улицам Гродно было опасно гулять не только ночью, но и днем. Нападению горожане могли подвергнуться даже во дворах своих собственных домов. Так, 13 января 1903 г. на владелицу мясной лавки Злату Кополь и её брата “напали во дворе их квартиры два неизвестных злоумышленника и закрыв обоим Копольям рты, потребовали денег; когда же Злата Кополь бросила корзинку с находившимися в ней 60 руб. денег, гербовыми марками на 40 руб. и разными документами на 4460 руб., то злоумышленники, схватив означенную корзинку, скрылись”¹¹.

Разбойные нападения совершались на повозки крестьян, возвращавшихся из Гродно домой. Нападали большими группами, останавливали лошадей и обрезали упряжь, чтобы у жертв не было возможности управлять повозкой. Так, 11 октября 1887 г. в 8 вечера “рабочие форта около 18 человек по дороге за римско-католическим кладбищем в 1 ½ верстном расстоянии от Занеманского форштадта” напали на две подводы. У впереди ехавшей подводы обрезали вожжи. Ехавших на повозках избили и ограбили¹².

Воровали и грабили, как правило, местные. Это могли быть рабочие гродненских предприятий, солдаты, расположенных в Гродно воинских частей. Так, на гродненского мещанина Антона Цульковского и его жену, проходивших по Александровской слободе около артиллерийских казарм, напала группа из шести солдат. Нападавшие вырвали из кармана жилетки Цульковского серебряные часы¹³.

Часто кражи совершала прислуга и сторожа. Поработав определенное время в доме, злоумышленники изучали быт своих хозяев, привычки, узнавали, где хранятся ценные вещи. А затем в удобное время обкрадывали их. Нередко горожане проявляли полную беспечность при найме слуг. Так, в ночь на 17 мая 1903 г. был обкраден дом Шварца на ул. Муравьевской. Из квартиры были вынесены вещи и одежда на 139 руб. В краже Шварц заподозрил свою служанку “Ривку, прозвища и происхождения которой” не знал¹⁴.

Небольшая заработная плата и соблазны губернского города часто подталкивали мелких канцелярских служащих к воровству на работе. Воровали как правило наличные деньги. Чаще всего подбирали ключи к ящикам письменных столов, где они хранились. Так, 17 июня 1903 г. письмоводитель ми-

рового судьи Алексей Полуниин по подложной доверенности получил на почте “денежный пакет” на сумму 693 руб. 46 к., адресованный на имя судьи, а затем “скрылся, оставив на берегу р. Немана свое платье”¹⁵.

Распространены в городе были карманные кражи. Воровали везде, но особенно карманники любили работать во время службы в храмах города. Сами потерпевшие далеко не всегда заявляли о краже. Чаще всего кражи обнаруживались именно потому, что задерживали воров. Как правило, это были женщины и дети. Были даже случаи, когда потерпевшие так и оставались неизвестными. Так, 1 февраля 1897 г. во время вечерней службы в соборе “из кармана неизвестной дамы похищен кошелек с 1 руб. 80 к. В совершении кражи обвиняются солдатская дочь Птушкина и мещанка Алексюк”¹⁶.

Следует признать, что кражи и грабежи были неотъемлемым атрибутом городской жизни второй половины XIX – начала XX в.

УБИЙСТВА И НЕ ТОЛЬКО...

Самым тяжелым преступлением является убийство. В 1912 г. Гродненским окружным судом 18% всех приговоров было вынесено за убийства и нанесение телесных повреждений¹⁷. В рассматриваемый период в Гродно от 80 до 100% всех случаев насильственного лишения жизни составляли убийства новорожденных¹⁸. Женщины, не имея средств для воспитания и не будучи отягощены какими-либо особыми нормами морали и нравственности, убивали своих внебрачных детей. Новорожденных могли просто оставить без помощи, и дети умирали сами от голода и холода. Частыми были случаи утопления в Немане. Но чаще всего младенцев топили в “ретирадных местах”, т.е. в туалетах.

Сохранились документы о достаточно типичном случае. Работница одного из кирпичных заводов Гродно 40-летняя вдова Мария Шереметьева 22 августа 1914 г., ночью, без свидетелей “в своем помещении”¹⁹ родила сына. Она проживала на территории завода в одной комнате с 13-летней дочерью и 17-летним сыном. Забеременела от какого-то солдата. По словам М. Шереметьевой, ее “неожиданно схватила боль, которая и ночное время лишила её возможности попасть в родильный дом”. Женщина потеряла сознание, а когда очнулась, ребенок был уже мертв. Тогда Шереметьева завернула мертвого ребенка в тряпки и закопала во дворе завода.

Интересна была реакция других женщин, работавших вместе с Шереметьевой. Когда они заметили, что Шереметьева уже родила, а ребенка нет, “то стали уличать ее в детоубийстве и в том, что ребенок брошен где-нибудь в ретираде”. Желая доказать, что это не так, Шереметьева на глазах других женщин 2 сентября выкопала труп ребёнка, перенесла к себе в комнату, вернула в тряпки и положила в деревянный ящик под кроватью. Заметим, что в смежных комнатах проживали те самые женщины со своими семьями.

Труп ребенка пролежал под кроватью до 4 сентября. В полицию о произошедшем заявили не женщины, которые знали о трупе в соседней комнате, а муж одной из них.

Данный случай не был единичным. Внебрачные дети рождались постоянно, и женщины стремились избавиться от них всеми доступными способами. Городское сообщество было хорошо осведомлено о том, что мертвых детей регулярно находят в туалетах. И обвинения женщин, предъявленные Шереметьевой, ярко подтверждают это. А реакция на поступок Шереметьевой хорошо характеризует психологию этих людей, их отношение к подобным преступлениям.

Весьма распространенным видом преступления было т.н. “членовредительство”. Однако данные дела нечасто рассматривались в судах и редко попадали в судебную статистику, поскольку совершались по взаимному согласию всех сторон. В городах действовали организованные группы лиц, которые наносили физические повреждения молодым мужчинам-евреям, чтобы последние могли избежать призыва в армию. Молодым парням искривляли пальцы на руках и ногах, вызывали нагноение в ушах и глазах. Спрос на подобные услуги был очень высоким, хотя последствия подобных операций могли быть очень печальными. Часто мужчины действительно становились инвалидами. Нередки были случаи, когда результатом была полная слепота²⁰. Стоимость данных услуг была значительной и зависела от вида операции и состоятельности клиента. В 1913 г. она составляла примерно от 30 до 145 руб.

Нередко, ремесло “членовредительства” становилось семейным бизнесом, к которому привлекались сначала дети, а когда они выросли, то также мужа и жены. Секреты “мастерства”, инструменты и необходимые медикаменты передавались по наследству и хранились в тайне от посторонних лиц. Так, в 80-х гг. XIX в. в Гродненской губ. Действовал настоящий “семейный подряд”. Во главе стоял отец семейства Ицко Гумпель, который неоднократно находился под следствием, а “членовредительством” занимался более 12 лет. После того, как он умер, дело перешло его жене Суре Гумпелевой, которой были “известны от покойного мужа лекарственные средства к этому ремеслу, что будто бы хранятся в одном из пружинных матрасов”. Еще при жизни Ицки Гумпеля его правой рукой был Элья Синайский, отец которого также, по сведениям полиции “занимался членовредительством и будто бы когда-то скрылся в Америку”. Параллельно Элья Синайский был женихом младшей дочери Суры Гумпелевой и родным братом жены Иоселя Гумпеля, старшего сына Суры Гумпелевой. В эту группу входила и некая Роха Ковальская, которая по своим “занятиям” была “очень известна в Гродно”²¹.

Городские жители хорошо знали “членовредителей” и то, каким бизнесом они занимаются. Клиенты сами искали тех, кто оказывал подобные услуги, узнавая о них от своих знакомых и родственников. Кроме то, сами “членовредители” активно предлагали свои услуги новобранцам, открывая

им способы уклониться от воинской повинности. Накануне Первой мировой войны в местной прессе даже появились объявления об открытии в Белостоке “организации”, занимавшийся “содействием уклонению призывных от исполнения воинской повинности путем членовредительства”²².

КОРРУПЦИЯ И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Отдельную группу составляют должностные преступления представителей городских органов власти. Органы самоуправления и полиция, пользуясь не только юридической, но и обыкновенной неграмотностью горожан, и как следствие этого, полной безнаказанностью, занимались самоуправством. Фактически, в городе царил полный произвол и беззаконие.

В 1882 г. на имя губернатора поступила анонимная жалоба на злоупотребления помощника пристава 1-й части Гродно Болеслава Козелло²³. Помощник пристава регулярно получал с находившегося в его подчинении городского по 50 руб. За это городской в свою очередь еженедельно собирал со всех торговцев его участка по 5-10 коп. Если кто-либо не соглашался платить эту “дань”, то его обещали подвергнуть “разным неслыханным со стороны Козелье придириствам”. Кроме того, помощник пристава, получал взятки и выдавал разрешения на строительство, нарушая все нормы и правила. Причем взятки должны были платить и те, кто занимался строительством в соответствии со всеми требованиями закона. По роду своей службы помощник пристава занимался взысканием казенных недоимок с горожан. Однако, в казну их не вносил. В результате жители должны были повторно выплачивать свои недоимки. А материальное состояние помощника пристава заметно улучшалось.

К тому же помощник пристава постоянно устраивал скандалы, дебоширил. При необходимости всегда использовал подставных свидетелей. Аноним также предупреждал, что “Козелье также опасен для общества, ибо он постоянно от развратной жизни одержим венериею, а между тем, он имеет сношение с молодыми”. Терпение автора жалобы, который подписался, как “Безпорочный”, кончилось, когда в городе произошла серия краж. Вор был пойман, сознался в совершении преступлений. Однако, был отпущен помощником пристава. От жены вора Б.Козелло получил перстень “в 25 руб. и деньгами 15 руб., а с нею самую предался разврату, продержав ее у себя, как молодую развратную женщину целую предшествовавшую до отпуска мужа ночь. К утру Козелье выпроводил ее в г. Вильно железной дорогой”.

Это был не единственный случай. Полицейские устанавливали собственные порядки на улицах города. Тех, кто отказывался подчиняться, жестоко наказывали. В мае 1890 г. трое крестьян д. Богушевка привезли в Гродно дрова на продажу. Продав основную партию своего товара, крестьяне занялись реализацией “мелких кольев и хвороста”. И в это время появился 65-летний городской Ананий Кривоносов, который запретил дальнейшую

торговлю. Почему он принял такое решение, в документах, к сожалению, объяснения нет. Когда крестьяне попытались ему возразить и стали просить не запрещать продавать хворост, городской набросился на одного из крестьян Сильвестра Куцевича “и схватив его за грудь, стал ему наносить кулаками удары в лицо”²⁴. Крестьянин был избит до крови. Вследствие непосредственного вмешательства губернатора, уже в июне городской Ананий Кривовонос был уволен. Суд, который состоялся только в январе 1893 г., приговорил бывшего городского Анания Ильина Кривоносова к аресту при гродненском арестном доме на семь дней²⁵.

Обычным явлением были избияния арестованных. В мае 1897 г. было возбуждено уголовное дело против помощника пристава 2-й части Гродно титулярного советника Петра Леонтовича, околоточных надзирателей Петра Полковского, Семена Грики и городского Владислава Ивановского²⁶. В ходе следствия было установлено, что 12 июля 1896 г. по подозрению в краже был арестован мещанин Гирша Лямперт. Арестовали Лямперта у него дома на Занеманском предместье околоточные надзиратели Полковский и Грика. Во время ареста Лямперт был избит полицейскими, били его по пути во 2-ю полицейскую часть.

Когда 10-летний сын Гирши прибежал вслед за свои отцом в полицейскую часть, то увидел, что “на полу лежит его отец и на нем сидят околоточный надзиратель Полковский, помощник пристава Леонтович и трое городских бьют его отца руками и ногами по чему попало”²⁷. Слова мальчика подтвердил и мещанин Мордхель Липец, живущий в своем собственном доме рядом с полицейской частью. При этом Липец заявил, что “в последней (в полицейской части – Т. В.) часто бьют арестованных”. Полицейские же просто прогнали ненужных свидетелей. После этого Гиршу Лямперта отправили в арестантскую Гродненского городского полицейского управления. Сопровождавший его городской Ивановский, что подтвердили многочисленные свидетели, “ведя Лямперта по Гимназическому переулку бил его по чему попало и настолько сильно, что Лямперт, падая от удара, ударялся головою и о мостовую, и о стену каменного дома”²⁸.

Лямперт был избит до такой степени, что подняться и передвигаться далее самостоятельно не мог. Уже от Соборной улицы до полицейского управления Лямперта вели под руки двое других городских, подошедших на помощь Ивановскому. Лямперта поместили в отдельную камеру, где он повесился. В результате проведенной судебно-медицинской экспертизы на голове Лямперта были обнаружены сильные кровоподтеки. Прокурор Гродненского Окружного суда пришел к мнению, что Лямперт был доведен до самоубийства в результате нанесенных ему полицейскими побоев.

Когда же Губернские правление на основании заключения прокурора возбудило следствие против полицейских, то появились новые свидетели, которые показали, что в то время, когда Лямперт был доставлен во 2-ю по-

лицейскую часть, помощника пристава Леонтовича там не было, а Лямперта никто вообще не избивал. Этими свидетелями были письмоводитель пристава Цинцевич и “служивший у пристава Юман Радюкевич”. Леонтович также не признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях. Непричастность Леонтовича к избиению Лямперта подтвердил и гимназист Станислав Стацкевич. По его словам, он летом 1896 г. жил у помощника пристава в качестве репетитора его сына, и “хорошо помнит, что 12 июля, в тот день, когда повесился в полиции какой-то еврей, Леонтович, возвратившись из города в 1-м часу дня, пообедал и лег спать. Проснувшись в 4-м часу, Леонтович вместе с ним, Стацкевичем, отправился в купальню, куда пришел городской и позвал Леонтовича по каком-то важному делу в часть, и Леонтович ушел. С 1-го же часу дня до 4-х часов (т. е. то время, когда Лямперта избивали в полицейской части – Т. В.) Леонтович был безотлучно дома”²⁹. Странно, что человек смог детально вспомнить события целого дня буквально по часам по прошествии целого года, если не более.

В то же время показания другого городского Феликса Семашко “удостоверившего, что он видел Леонтовича 12 июля 1896 г. около 2-х часов дня на Соборной улице”, “вследствие неопределенности своей” были признаны недостоверными. Аналогично суд оценил показания сына Лямперта и мещанина Мордхеля Липеца, поскольку они противоречили показаниям других свидетелей. Таким образом, у Леонтовича появилось алиби и его невиновность была доказана.

Остальные полицейские также не признали себя виновными. Однако, их свидетели оказались не такими надежными, как у Леонтовича. Возможно, просто не хватило авторитета и денег. Но обвинение в “нанесении граничащих с истязанием побоев, будто бы причиненных Лямперту во 2-й полицейской части”, было признано опровергнутым. Чтобы смягчить вину Ивановского, была принята формулировка “что тяжкое повреждение – обильный кровоподтек на голове Лямперт мог причинить себе, ударяясь при падении о мостовую и о каменную стену дома, предвидеть каковое случайное последствие ведший Лямперта городской Ивановский, наносивший удары Лямперту, не желавшему идти добровольно далее, не мог”³⁰.

В итоге уголовное преследование в отношении всех полицейских прекратили. Только было решено Ивановского за “жестокое обращение” с Лямпертом, а Полковского и Грика за нанесение арестованному Лямперту “нескольких ударов” предать суду Виленской Судебной палаты. С Леонтовича же были сняты все обвинения.

Помощник пристава Леонтович и его подручные постоянно становились главными героями многочисленных жалоб гродненцев на злоупотребления и взяточничество полицейских чиновников³¹, однако, ситуация не менялась. Полицейские обладали, практически, неограниченной властью на улицах города.

Помимо этого, полицейские чиновники постоянно использовали свое служебное положение, чтобы улучшить и свое материально состояние.

В 1860-х гг. гродненская паромная переправа через Неман находилась в аренде у купца Лапина. Естественно, переправа была платной. Зимой ситуация менялась. Река замерзала более чем на три месяца, и необходимость платить деньги за переправу отпадала. Все желающие переправиться с одного берега на другой просто переходили реку по льду. Лапин оставался без прибыли. Тогда он решил изменить ситуацию. Для того, чтобы переправа функционировала в течение всей зимы, Лапин не давал реке замерзнуть. Он постоянно разрушал лед у берегов, “останавливал” лед выше переправы вне черты города и разрушал его ниже возле деревни Пышки. Таким образом, переправа на пароме работала круглый год, несмотря ни на какие морозы, а Лапин имел возможность получать хорошие деньги³².

Полиция знала об этом, но никаких действий не предпринимала и объясняла это следующим: Лапин “должен выручить значительную сумму для уплаты аренды в пользу города”³³. Понятно, что “значительную сумму” Лапин выручал и для “уплаты в пользу” полиции.

Такая ситуация не устраивала ни горожан, ни крестьян из близлежащих деревень. Обычно местные жители, наоборот, задерживали лед у берегов, чтобы река как можно быстрее покрылась льдом, а они получили бы возможность беспрепятственно переходить реку по льду. Однажды в ноябре 1866 г. они так и сделали, и Неман буквально за одну ночь затянулся льдом. Лапин в ответ обратился с жалобой на действия местных жителей к гродненскому полицмейстеру. Местные жители также обратились с жалобой на Лапина к полиции. Полиция, надеясь на поддержку городских властей, обратилась в Думу. Однако ответ получила отрицательный. Городская Дума разъяснила, что “контрактом не предоставлено право держать перевоз непременно всю зиму и нигде не сказано о лишении жителей права пользования в свое время естественной переправой”³⁴.

Не получив поддержки от городского самоуправления, полицейские власти приняли собственное решение удовлетворить жалобу Лапина, а хатайство жителей назвали “домогательством восстановления переправы по льду”. Хотя данный факт и не упоминается в документах, но, естественно, что полиция принимала решение в пользу Лапина небескорыстно. Кроме того, она обязала жителей “не препятствовать Лапину, с предупреждением подвергнуть виновных ответственности”³⁵. При этом юридическое обоснование этого решения отсутствовало.

В декабре 1866 г. вследствие сильных морозов Неман, несмотря на все усилия Лапина, стал замерзать. Тогда Лапин вновь обратился за помощью полиции, предупреждая, что “от засорения снегом и льдом русла реки” может произойти наводнение. Полиция приняла это во внимание, и жителей

деревни Пышки заставили разрушать лед, угрожая всех, кто попытается его остановить, “подвергнуть законной ответственности”³⁶.

Более того, Лапин решил получить формальное разрешение на право задерживать лед выше переправы. Для этого полицейские чиновники обратились в Губернское правление. Однако, получили отказ. Губернское правление отметило, что контрактом не предусмотрено право подрядчика задерживать лед. Полиция об этом решении местных жителей решила не информировать. А Лапин стал распространять слухи, что “будто установление естественной переправы воспрещено” губернскими властями. Поэтому уже в следующем 1867 г. люди не стали жаловаться полиции, но “роптать” продолжали. Опасаясь “ропота” в конце декабря 1867 г. полицмейстер вновь обратился за поддержкой в губернское правление, мотивируя тем, что действия жителей подрывают “интересы города, которому Лапин платит значительную аренду”.

Действие парома зимой было только частью всей преступной системы в организации переправы через Неман.

Не был организован и контроль за порядком при переправе. Полицейские, которые должны были наблюдать за переправой, отсутствовали. В результате “толпа народа... не соблюдала никакой очереди, и первыми паромом пользовались те, которые выказывали более настоятельности”. Абсолютно не контролировался размер платы, взимаемый за переправу. “Пользуясь замешательством и торопливостью нуждающихся в перевозе”, плата за паром бралась с каждого на 5–10 коп. выше установленной таксы³⁷.

На противоположном берегу, в Занёманском форштадте действовала целая группа скупщиков (перекупщиков) продовольственных товаров, привозимых крестьянами. “Барышники” даже построили особые амбары “для ссыпки перекупаемого хлеба”. Если крестьяне не соглашались продавать товар скупщикам, а пытались все же переправить его в Гродно и самостоятельно попасть на базар, перекупщики могли силой их задержать³⁸. Естественно, что никаких документов на право занятия торговой деятельностью у перекупщиков не было, также как и законных мер веса и объема: “у скупщиков в амбарах находится по несколько бочонков разной величины не клейменных, которые они называют мерами, и не имеется никаких торговых свидетельств”³⁹.

В результате чиновником Особых поручений Виноградовым было проведено следствие, материалы которого для дальнейшего рассмотрения были переданы в Гродненский уездный суд “для подвержения законному взысканию виновных в допущений неправильных действий содержателя паромной переправы на реке Неман в г. Гродно”.

Интересно, что везде в документах присутствует формулировка, что полицмейстер поверил “на слово этой угрозе (угрозе наводнения – Т. В.)”, что Лапин успел “убедить полицмейстера в противозаконном будто-бы дей-

ствии жителей Пышки”, разрушающих лед. Более того, “чиновник особых поручений” Виноградов, который проводил следствие по данному делу, пришёл к выводу, что “усердствует полиция Лапину единственно по неправильному пониманию его прав арендатора, полагая, что он во всем волен в деле переправы”. Таким образом, полицмейстер стал жертвой обмана со стороны Лапина, а полицейские чиновники по своей наивности не смогли разобраться в сути обычного контракта об аренде.

Чиновник Виноградов не высказал в своем отчете ни малейшего сомнения в законности действий полицмейстера, угрожавшего расправой местным жителям и оказывавшего поддержку Лапину, который, фактически, нарушал контракт об аренде паромной переправы.

Полицейские брали деньги везде, где имели к ним доступ, чувствуя полную безнаказанность. Так, в 1906 г. было возбуждено дело против пристава 1-й части Гродно коллежского асессора Николая Шереметова. Еще в 1902 г., когда Шереметов был приставом в г. Белостоке, он взыскал с купца Абрама Тыктина для “пополнения разных сборов” 68 руб. 50 коп.⁴⁰ Однако, деньги по назначению отосланы не были. В 1904 г. Шереметов получил в Почтово-телеграфной конторе денежный перевод на сумму 307 руб. 20 коп. Деньги были высланы Петрозаводским казначейством по решению Петрозаводского Окружного суда на имя пристава 1-й части Гродно для дальнейшей передачи денег трем жителям Гродно⁴¹. Но и эти деньги до адресатов не дошли. Кроме того, Шереметов получил еще 50 руб. с Янкеля Алешника в счет уплаты штрафа в 300 руб. за уклонение от исполнения воинской повинности⁴². Эти деньги Шереметов также присвоил себе. И это только факты, ставшие известными. Во всех случаях основанием для обвинений послужили расписки Шереметова в получении денег. Наверняка, было немало и других случаев присвоения Шереметовым денег, однако не было доказательств. Потерпевшие отдавали деньги без письменных подтверждений.

В Гродно действовала четко организованная система вымогательства полицейскими денег с преступников. У полиции были свои осведомители, которые сообщали необходимую информацию о совершаемых в городе преступлениях. Затем полицейские либо сами осведомители с помощью шантажа вымогали у преступников деньги. Полученными суммами денег нижние полицейские чины делились со своим начальством. Если договориться не получалось, то по факту преступления заводилось уголовное дело, и начиналось следствие. Схема абсолютно безукоризненная. Протестовать и жаловаться никто и не пытался, прекрасно понимая, что в любой момент может оказаться под судом за сокрытые полицией совершенные преступления.

Тем не менее, информация о подобных действиях полиции становилась широко известной в городе. В 1888 г. поступила анонимная жалоба на пристава 1-й части Гродно титулярного советника Киркевича. В соответствии с материалами начатого следствия, вырисовывается следующая картина.

У пристава Киркевича в качестве осведомителя состоял некий Шлёма Суходолянский (Сухолянский, Шехелянский), который “по приглашению Киркевича открывал ему разные преступления в городе”, за что Киркевич “каждый раз вознаграждал его за труды”⁴³. Примерно в конце апреля Суходолянскому стало известно некий Арон Дынес приобрел бревна, якобы заведомо зная, что они краденные. Суходолянский стал шантажировать Дынеса, обвиняя его в приобретении ворованного и сокрытии, тем самым, факта кражи. Однако, шантаж оказался неудачным, Дынес деньги платить отказался. Тогда Суходолянский пригласил Киркевича. А вот дальше показания свидетелей расходятся. По словам того же Суходолянского, деньги с Дынеса получил лично Киркевич. По свидетельствам остальных, деньги получил всё же Суходолянский. Вероятно, между приставом и его осведомителем произошел конфликт. Когда Суходолянскому не удалось получить деньги с Дынеса, то он обратился к приставу. Пристав, получив 43 руб. от Дынеса, делиться деньгами со своим осведомителем отказался.

Впечатляет то, что все остальные свидетели старательно отрицали какие-либо злоупотребления со стороны пристава Киркевича. Даже “потерпевший” Дынес со временем изменил свои показания. Первоначально, при разговоре с полицмейстером Дынес признал, что Суходолянский просил деньги “будто бы для пристава”, в следующий раз он уже заявил, что Суходолянский деньги вымогал лично для себя. В любом случае, пристав как непосредственный вымогатель в показаниях отсутствовал.

Интересна была реакция полицмейстера. Получив от Дынеса подтверждение факта вымогательства денег осведомителем своего подчиненного, полицмейстер сам вернул Дынесу все деньги. Затем, правда, Киркевич компенсировал полицмейстеру все расходы. Свой поступок полицмейстер объяснил следующим: “Если бы я имел факты к обвинению его (пристава Киркевича – Т. В.) во взятках, то предал бы его суду, а заплатить эти деньги я заставляю потому, чтобы впредь он был осторожным в выборе себе същиков...”⁴⁴.

Суходолянский в своих показаниях даже называл жителей Гродно, которые видели, как полицмейстер возвращал деньги и могли бы это подтвердить. Однако, никто из указанных им лиц этого не сделал! Горожане сознательно выгораживали полицейских чиновников, понимая, что как только они расскажут о злоупотреблениях полиции, тут же станет известно и о совершенных ими преступлениях.

Действия полицмейстера делали очевидными шантаж и вымогательство денег его подчиненным. Вряд ли бы полицмейстер стал возвращать деньги, которые шантажом получил какой-то осведомитель одного из его подчиненных. А объясняются его поступки тем, что он, вероятно, сам был соучастником этой схемы, получая, деньги, в свою очередь, от пристава.

В гродненской полиции были коррумпированы все чиновники, начиная от самых нижних чинов и заканчивая высшим начальством.

Своим служебным положением злоупотребляли также члены городского самоуправления – городского Магистрата, а затем Городской думы.

14 октября 1867 г. вице-губернатор провел внезапную ревизию денежных сумм и финансовых документов Гродненской городской думы. Главные финансовые средства города хранились в сундуке, находившемся в Губернском казначействе. При проверке в сундуке было найдено всего лишь 73 коп.⁴⁵ Выяснилось, что уже около двух лет не проводились обязательные ежемесячные ревизии денежных средств города.

Ревизия проходила в отсутствие городского головы, который накануне просто исчез из города. Объявился Нерго лишь 16 октября. На допросе он сообщил, что скрываться от правосудия не собирался. Просто уехал из Гродно, чтобы не присутствовать при передаче полицией его дома купцу Вольеру (?) за долги.

Всю вину за растроченные деньги Нерго взял на себя. Поскольку он являлся и кассиром, то имел “право входа в сундук”. Губернское казначейство свободно допускало его “в сундук всякий раз без расписки по книге”. Фактически, действия городского головы никем не контролировались. По словам Нерго, “члены же Думы, по незнанию закона, по своей простоте, по полному к нему, Нерго, доверию, этого не домогались”⁴⁶. Вряд ли члены Думы не были знакомы с законом и правилами контроля финансовых средств города. Их доверие к Нерго, как они показали на допросах, “было основано на известном всем сословиям города Гродно положении его в обществе, и не только они, но и никто не мог до последнего времени подозревать Нерго в каком-либо нечестном поступке или его несостоятельности”⁴⁷. Фактически, в городе господствовало традиционное право, основанное на авторитете не закона, а определенного лица, обусловленного его социальным положением и финансовым состоянием.

Нерго состоял старшим бургомистром Гродненского городского магистрата с 1859 г. А с 1864 г. постановлением Магистрата он выполнял также функции кассира. Растраты же, по показаниям самого Нерго, начались еще в 1860 г.⁴⁸

Как на самом деле обстояло дело, куда и как были потрачены городские средства, и почему в конечном итоге Нерго оказался разорен, сказать сложно. В деле присутствуют свидетельства того, что расходы крупных денежных сумм (до 8 000 руб.) гродненский голова совершал по устному распоряжению вышестоящих лиц, а именно бывшего губернатора⁴⁹. Тем не менее, решением Правительствующего Сената только он был признан виновным.

Гродненский городской голова губернский секретарь 43-летний Карл Эрнестович Нерго за растрату городских средств в размере 13 792 руб. 87 ½ коп. решением Сената от 19 января 1872 г. был лишен “всех особенных прав и преимуществ, как лично так и по состоянию присвоенных, бронзовой медали в память войны 1853-1856 гг. и послан на жительство в Архангельскую губ. с воспрещением отлучаться из места жительства” в течение трех лет.

В 1876 г. ему было разрешено вернуться на родину в Гродненскую губ. Вернувшись в Гродно Нерго работал письмоводителем и “вел себя безукоризненно”⁵⁰.

По отношению к другим членам городского самоуправления, которые по своим функциональным обязанностям должны были контролировать движение денежных сумм по городской кассе, в зависимости от степени вины были применены различные виды наказания – отстранение от должности, арест на гауптвахте сроком на один месяц, выговор с занесением в послужной список⁵¹.

Поражает огромное количество сохранившихся в архиве жалоб жителей города на преступные действия полиции. Причем большинство жалоб анонимные. Горожане боялись полиции, которая призвана была охранять их покой и соблюдать закон. И вряд ли эти жалобы, пусть даже и анонимные, могли быть абсолютно все необоснованными, и писались гродненцами из желания мести. Слишком много было этих жалоб. Даже сам губернатор в 1890 г. в своем предписании гродненскому полицмейстеру обращал его внимание на “грубое обращение подведомственных... полицейских служителей, каковое обстоятельство я отношу к вине приставов вообще и лично к Вашей в особенности за слабый надзор за подчиненными”⁵².

Следствия по фактам злоупотребления полицейскими своими должностными полномочиями могли длиться годами. Наказание полицейских следовало в том случае, когда скрыть преступления становилось уже невозможным. При этом под обычно суд попадали нижние полицейские чины и применялись к ним минимальные меры наказания. Вышестоящие полицейские чиновники всегда находили нужных свидетелей и выходили из суда оправданными.

КОНТРАБАНДА

Жители Гродно активно занимались контрабандой. В 1880 г. чиновник особых поручений при Казенной Палате Завадский проводил ревизию торговых предприятий Гродно. И “по ошибке”, как утверждал “под присягой” сам Завадский, постучался в лавку 72-летнего Иоселя Шапиро. Вышедшая на его стук женщина, увидев чиновника, дверь мгновенно закрыла. Дверь пришлось Завадскому открывать силой. И в это же время “из окон и дверей квартиры выскочили несколько евреев, в том числе и Михель Белох”. Все они в лавке Шапиро занимались фасовкой контрабандного чая. Помимо чая Завадский обнаружил еще и различные “мануфактурные товары с заграничными клеймами, но без пломбы”. Иосель Шапиро себя виновным в контрабанде не признал. По его словам “мануфактурный товар оставлен ему на сохранение разными лицами, которых он указать не может”, а чай ему привез Михель Белох, который приезжал к нему со своим дядей. Михель Белох, в свою очередь, тоже себя виновным в контрабанде не признал. И сообщил, что чай был привезен его дядей, “ныне умершим”.

Как ни странно, эти показания Гродненская Палата уголовного и гражданского суда и сам прокурор признали убедительными. Михель Белох был оправдан, а Иосель Шапиро признан виновным лишь в контрабанде “мануфактурными товарами”. Можно предположить, что решения суда и прокурора объясняются их определенной заинтересованностью. Но постановлением гродненского суда остались недовольны таможенные чиновники. Дело было пересмотрено Сенатом, который признал Михеля Белоха виновным в контрабанде чая, а Иоселя Шапиро – в укрывательстве контрабанды. В результате на И.Шапиро был наложен штраф в размере 683 руб. 20 коп., а на М. Белоха – 904 руб. 20 коп.⁵³

ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ И ДРУГИЕ МОШЕННИКИ...

Подделка денег была настоящим стихийным бедствием для Российской империи и очень популярным занятием для гродненских мошенников. В Гродненское отделение Государственного банка регулярно поступали фальшивые монеты для уничтожения. В августе 1914 г. в Отделение доставили 9 медных монет и 23 серебряных, обнаруженных в кружках по сбору пожертвований для Добровольного Санитарного отряда Гродненской крепости. Все они были признаны фальшивыми и уничтожены⁵⁴.

Наивность и простота горожан, их желание быстро и легко разбогатеть делали ремесло подделки монет привлекательным занятием. Так, летом 1887 г. был арестован гродневец мещанин Юдель-Давид Пейсахов Эльгель. В одном из питейных заведений города по Соборной улице он пытался продать крестьянину Федору Клецку “машинку”, сделанную из гипса и “приспособленную для подделки фальшивой монеты” номиналом 10 копеек. Сторговались они на 150 руб. Причем Эльгель уже успел получить задаток в три рубля и как раз в тот момент, когда он объяснял механизм действия машинки, был задержан полицейским. Вместе с машинкой были изъяты четыре фальшивые монеты, “подпильник и расплавы свинца”. Эльгель сразу признал себя виновным в изготовлении фальшивых монет, при чем, как оказалось, действовал он вместе со своим отцом⁵⁵.

Мошенничеством занимались и крупные гродненские предприниматели. В 1873 г. из Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов на имя Гродненского губернатора пришло письмо с просьбой провести расследование по факту подделки владельцами табачной фабрики Шерешевскими этикеток одной из петербургских табачных фабрик фирмы “Л’есперанс”. Оказалось, что часть своей продукции Шерешевские выпускали под фальшивыми этикетками⁵⁶!

Понятно, что преступления в губернском городе второй половины 19 – начала 20 веков не ограничиваются вышеописанным. Помимо этого в Гродно широко распространена была подделка различного вида документов, действовали организованные банды по нелегальной переправке людей за

границу, главным образом в Америку, огромным спросом пользовалась нелегальная торговля женщинами – проституция.

Однако, на мой взгляд, главными преступниками губернского города Гродно второй половины XIX – начала XX в. были представители городских гражданских и полицейских властей. Именно от принимаемых ими решений зависели судьбы людей. Зачастую вместо того, чтобы соблюдать этот закон, гражданские и полицейские чиновники использовали свое должностное положение для получения личной выгоды, а подвластные им ведомства рассматривали город как собственную вотчину. Рядовые горожане в силу своей инертности, неграмотности, запуганности обычно к этому просто приспосабливались, боясь что-либо менять в своей жизни...

¹ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1912 год. Издание Министерства Юстиции в 2-х частях. Петроград: Сенатская типография, 1915. Часть первая. Статистические сведения по окружным судам и судебным палатам. С. 36-52. Часть вторая. Статистические сведения о подсудимых в судебно-мировых учреждениях, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года за 1912 год. С. 2-11.

² НИАБ в Гродно. Ф. 35, оп. 1, д. 55, л. 4-5.

³ ЛГИА. Ф. 378, оп. 1891, д. 6 б, л. 149.

⁴ Там же. Оп. 1897, д. 6 III, л. 17.

⁵ Там же. Оп. 1891, д. 7, л. 100.

⁶ Там же. Д. 6 б, л. 56.

⁷ Там же. Оп. 1903, д. 7, л. 99.

⁸ Там же. Оп. 1891, д. 6 б, л. 63.

⁹ НИАБ в Гродно. Ф. 1, оп. 17, д. 1306, л. 33.

¹⁰ ЛГИА. Ф. 378, оп. 1903, д. 7, л. 44.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² НИАБ в Гродно. Ф. 1, оп. 17, д. 1306, л. 46-47.

¹³ Там же. Л. 27 об.

¹⁴ ЛГИА. Ф. 378, оп. 1900, д. 8, л. 40.

¹⁵ Там же. Оп. 1891, д. 6 б, л. 63.

¹⁶ Там же. Оп. 1897, д. 6 III, л. 14.

¹⁷ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебно-мировых установлений и учреждений, образованных по законоположениям 12 июля 1889 года, за 1912 год. Издание Министерства Юстиции в 2-х частях. Петроград: Сенатская типография, 1915. Часть первая. Статистические сведения по окружным судам и судебным палатам. С. 36-52.

¹⁸ Подсчитано по: Обзор Гродненской губернии за 1896, 1900, 1901, 1902, 1903 гг. Гродна, 1897, 1901, 1902, 1903, 1904. Ведомости о насильственных и случайных смертях в Гродненской губернии .

¹⁹ НИАБ в Гродно. Ф. 34, оп. 1, д. 404, л. 2 об.

²⁰ Там же. Ф. 35, оп. 1, д. 113, л. 11 об., 16 об.

²¹ Там же. Л. 11-16.

- ²² Там же. Ф. 589, оп. 3, д. 15, л. 750.
²³ Там же. Ф. 2, оп. 8, д. 577, л. 1-2 об.
²⁴ Там же. Оп. 21, д. 1148, л. 3 об.
²⁵ Там же. Л. 25 об.
²⁶ Там же. Оп. 38, д. 915, л. 351-351 об.
²⁷ Там же. Л. 352 об.
²⁸ Там же. Л. 353 об.
²⁹ Там же. Л. 359.
³⁰ Там же. Л. 362 об.
³¹ Там же. Оп. 25, д. 104, л. 1.
³² Там же. Оп. 38, д. 684, л. 591.
³³ Там же. Л. 590.
³⁴ Там же. Л. 592 об.
³⁵ Там же. Л. 594 об.
³⁶ Там же. Л. 595.
³⁷ Там же. Л. 599-599 об.
³⁸ Там же. Л. 600-602.
³⁹ Там же. Л. 601.
⁴⁰ Там же. Оп. 25, д. 1358, л. 17.
⁴¹ Там же. Л. 20 об.
⁴² Там же. Л. 6.
⁴³ Там же. Оп. 24, д. 1018, л. 13-14 об.
⁴⁴ Там же. Л. 15.
⁴⁵ Там же. Ф. 1, оп. 22, д. 2002, л. 14.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же. Л. 23.
⁴⁸ Там же. Л. 32 об.
⁴⁹ Там же. Л. 15.
⁵⁰ Там же. Ф. 2, оп. 8, д. 180, л. 10-10 об., 11 об.
⁵¹ Там же. Ф. 1, оп. 22, д. 2002, л. 32 об.-40.
⁵² Там же. Ф. 2, оп. 21, д. 1148, л. 5 об.
⁵³ Там же. Оп. 24, д. 557, л. 2-3 об., 6-7 об..
⁵⁴ Там же. Ф. 27, оп. 1, д. 822, л. 53-54.
⁵⁵ Там же. Ф. 1, оп. 17, д. 1306, л. 29 об.
⁵⁶ Там же. Оп. 23, д. 492, л. 1-3.